

18+

Искандер Арысов

СНЫ ТРИКОРДИНЫ

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Сны Трикордины. Проект
«Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Сны Трикордины. Проект «Сингулярность Арысова» /
И. Арысов — «Издательские решения»,

Осьминог с тремя сердцами, два из которых гонят кровь через жабры, а третье — по телу. Она слышит ритм своих сердец — трёхдольную музыку, которая старше человечества. Когда ритм сбивается, мир переворачивается. Учёные обнаруживают, что осьминоги — не просто умные беспозвоночные. Они — память о цивилизации, уснувшей 500 миллионов лет назад. И эта память пробуждается в океане, в людях, в самом ритме Земли. Трагедия о том, как эволюция прячет разум там, где мы меньше всего ждём.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая: Три струны сердца»	6
Пролог. Три струны сердца	7
Часть первая. Первое сердце — жаберное, правое	8
Ритм вдоха, которого никто не считал	8
Часть вторая. Второе сердце — жаберное, левое	11
Ритм забвения, в котором тонут миры	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сны Трикордины Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7362-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая: Три струны сердца»

Пролог. Три струны сердца

Океан не хранит секретов. Он просто откладывает их на дно, слой за слоем, миллион лет за миллионом. Изнанка мирового океана покрыта пеплом погибших звёзд, растворённых в воде так давно, что сам атомный вес потерял счёт времени.

Станция «Глубина» висела над Марианской впадиной на тросах, как паук на нити. Её иллюминаторы давил мрак, который физики называют «абсолютным» — ни одного фотона от поверхности, только холодное свечение креветок и бактерий, превративших тьму в религию.

Доктор Майя Чен никогда не верила в инопланетян. Не потому, что считала космос пустым. А потому, что слишком хорошо знала Землю.

— Смотрите, — она ткнула пальцем в монитор.

Оператор гидрофонов подался вперёд. Три минуты назад приборы зафиксировали низкочастотную пульсацию. Не сейсмическую. Не антропогенную. Не биологическую — по крайней мере, не известную биологическую.

Ритм был трёхдольным.

ТАК. Так-так.

ТАК. Так-так.

Как сердце, которого быть не могло.

— Запиши это, — сказала Чен. — И подготовь глубоководный аппарат.

Ей предстояло нырнуть в сон разума, который спал с открытыми глазами пятьсот миллионов лет.

Часть первая. Первое сердце — жаберное, правое

Ритм вдоха, которого никто не считал

Она родилась в пепле.

Не в переносном смысле — вокруг плавали мёртвые раковины, песок, крупинки давно осевшего на дно метеоритного праха. Мать не охраняла кладку. Мать уже умерла, и её тело разлагалось в соседней расщелине, медленно превращаясь в угощение для тех, кто не успел родиться первым.

Трикордина — так назовут её потом люди, хотя в их языке нет звука для того, как она чувствует себя на самом деле — вылупилась голодной.

Она была прозрачной. Не такой, как взрослые осьминоги — не маскировочной, а настоящей, сквозь которую можно было разглядеть три тёмных бусинки сердец, уже тогда бивших в разную, как три плохо настроенных барабанщика.

Первое сердце — правое жаберное. Оно качало тёмную, почти чёрную кровь через правую жабру. Второе — левое жаберное, близнец-отражение. И третье — системное, самое большое, самое медленное. Оно ждало, когда два первых нальют кровь кислородом, чтобы отправить её по восьми рукам, по мантии, по глазу, который уже сейчас был крупнее её мозга.

Мозг.

У неё не было бабушки, которая научила бы её, что мозг — это центр. Что мысли живут в голове. Трикордина узнала это сама, и довольно быстро поняла, что это неправда.

Мысли жили везде.

Когда она впервые схватила личинку краба — дрожащее нежное существо, не успевшее понять, что съедено — команда пришла не из центра. Правый задний щупалец просто *знал*, как высоко нужно поднять присоски. Какой угол атаки сделает захват необратимым. Схвачено.

Трикордина не удивилась. Ей было три дня от роду, и удивление — привилегия существ с лишним временем на рефлексия.

Вокруг плавали тысячи таких же, как она. Братья. Сёстры. Еда. Разницы она не видела. Своих она узнавала по запаху — мать распылила на кладку особые феромоны, чтобы дети не сожрали друг друга в первый час. Феромоны кончались.

На четвёртый день Трикордина съела сестру.

Не из жестокости. Из арифметики: еды мало, я должна вырасти, чтобы выбраться из этой расщелины.

Сестра даже не сопротивлялась. Просто перестала быть.

Трикордина переваривала её три часа. В это время её кожа впервые изменила цвет — стала чуть темнее, чтобы слиться с камнем, пока она переваривает. Рефлекс. Автоматизм. Но что-то в этом автоматизме было слишком разумным, слишком *просчитанным* для простой химии.

Она росла. И начала слышать.

Люди думают, что осьминоги глухи. У них нет ушей, нет барабанных перепонки, нет улитки внутреннего уха. Это правда. И неправда одновременно.

Тело Трикордины было антенной.

Каждая присоска улавливала вибрацию. Кожа реагировала на давление. Статоцисты — крошечные пузырьки с жидкостью и песчинками внутри, заменявшие ей вестибулярный аппарат — регистрировали малейшее ускорение. Всё вместе складывалось в звук. Не такой, как у людей. Не членораздельный. Не мелодичный.

Ритмический.

Океан бился в трёхдольном размере. Волны на поверхности — это слишком быстро, не её частота. Глубоководные течения — слишком медленно. Но между ними, в слое, где давление достигает двадцати атмосфер, а свет умирает на подходах, царил ритм.

ТАК. Так-так.

ТАК. Так-так.

Она не знала, откуда он берётся. Может быть, это пульс самой Земли. Может быть, далёкий гул подводных вулканов, преобразованный толщей воды в музыку. Может быть...

Трикордина не умела заканчивать предложения «может быть». Её мозг не знал сослагательного наклонения. Он знал только: есть ритм. Я внутри ритма. Ритм внутри меня.

Три сердца бились не синхронно. Правое жаберное — самое быстрое, сто два удара в минуту. Левое — на три удара медленнее. Системное — в два раза медленнее обоих, сорок четыре удара, и каждый удар отдавался пульсацией во всех восьми руках.

Трикордина слышала этот внутренний оркестр так же ясно, как человек слышит собственное дыхание в тишине. Но человек перестаёт замечать дыхание через минуту.

Осьминог — никогда.

Каждая смена ритма была событием. Когда она охотилась, системное сердце ускорялось, догоняя жаберные, и тогда всё тело пело в унисон — мощно, ровно, смертоносно. Когда пряталась — сердцебиение замедлялось, рассыпалось на три независимых рисунка, и она становилась почти невидимой не только для глаз, но и для любого существа, способного *чувствовать* пульс.

На сорок пятый день жизни Трикордина совершила открытие.

Она поднялась выше обычного. Не к поверхности — поверхность была смертью, там слишком светло, слишком шумно, слишком *быстро*. Но к верхней границе привычного слоя, где вода еще пахла кислородом, но солнце уже не пробивалось.

И там, на этой границе, её левое жаберное сердце споткнулось.

Просто один лишний промежуток между ударами. Трикордина замерла. Весь мир — её восемь рук, её синяя кровь, её кожа, умевшая быть любым цветом — замер вместе с сердцем.

И она *услышала*.

Не звук. Не ритм. Не вибрацию. Что-то другое. Что-то, для чего у неё не было нейронов, но они нашлись, перестроились, создали новый путь за долю секунды.

Она услышала себя.

Не как организм. Как *личность*.

Это длилось один удар сердца. Потом левое жаберное ударило снова — наверстало, перекомпенсировало — и видение пропало.

Трикордина опустилась на дно. Спряталась в пустой раковине моллюска, которую вычистила за десять минут, выковыривая хозяина с хирургической точностью. И там, в темноте, среди запаха известняка и древней смерти, она впервые подумала мысль, которую осьминоги не должны были уметь думать:

«Почему я?»

Не «что я ем»? Не «кто охотится на меня»? Не «где безопасно»?

«Почему я?»

Вопрос без ответа. Вопрос, который не помогал выжить. Вопрос, который был эволюционной роскошью, позволить которую мог только вид, уже победивший в гонке вооружений.

Но осьминоги не побеждали. Они прятались.

Трикордина заснула в раковине. И впервые увидела сон.

Сон осьминога — это не кино. Это танец. Невидимый, но реальный.

Её кожа вспыхивала узорами: коричневые пятна сменялись белыми полосами, сменялись рябью, сменялись текстурой коралла. Она не управляла этим. Сон управлял ею.

И во сне она была не одна.

Кто-то ещё пользовался её кожей, как экраном. Кто-то ещё дышал через её жабры. Кто-то ещё сжимал и разжимал присоски, пробуя на вкус воду за сотни метров от её убежища.

Трикордина попыталась проснуться. Не получилось.

Фигура в её сне не имела формы. Это был ритм. Трёхдольный. Тот самый, что пульсировал в глубине океана.

— Ты меня слышишь? — спросил ритм.

У Трикордины не было голоса. Но у неё были присоски, и она ответила модуляцией давления. Язык, который люди разгадают через миллионы лет, когда научатся говорить с чёрными дырами.

— Кто ты?

— Твоё третье сердце.

— Моё системное сердце? — Трикордина попыталась нащупать его внутри сна. Не нащупала.

— Нет. Третье сердце всего вашего вида. То, которое ещё не начало биться.

— Я не понимаю.

— Ты и не должна. Ты слишком молода. У тебя не хватает нейронов. Но ты можешь расти. Можешь стать больше, чем просто осьминог. Можешь стать сосудом.

— Сосудом для чего?

Ритм замер. Сон начал распадаться. Но последние слова ударили с такой силой, что Трикордина проснулась с разодранной в кровь кожей — она атаковала саму себя во сне.

— Для песни, которую мы забыли пятьсот миллионов лет назад.

Часть вторая. Второе сердце — жаберное, левое

Ритм забвения, в котором тонут миры

Восемь месяцев спустя доктор Майя Чен смотрела на осьминога через стекло аквариума и чувствовала себя идиоткой.

Она потратила десять лет карьеры на изучение головоногих. Защитила диссертацию по нейроанатомии осьминогов. Написала три монографии, одну из которых называли «ересью» только за то, что она предположила наличие у беспозвоночных субъективного опыта.

Сейчас субъективный опыт смотрел на неё двумя вертикальными зрачками и явно о чём-то думал.

— Она не ест уже три дня, — сказал техник Джефф, жуя сэндвич. — Может, старая?

— Ей меньше года, — ответила Чен, не отрывая взгляда. — По всем признакам — пик формы. Мозг в полной боевой готовности. Триста миллионов нейронов только в щупальцах, не считая центральных.

— И чего она хочет?

Осьминог медленно поднял одно щупальце. Присоски на нём раскрылись и закрылись в сложном узоре. Чен показалось — хотя она понимала, что это антропоморфизм, — что животное набирается смелости.

А потом щупальце легонько постучало по стеклу.

Три удара.

Два быстрых, один медленный.

ТАК-так-так. ТАК-так-так.

— Джефф, — сказала Чен, и голос её сел, — ты это видишь?

— Стучит, ну. Голодная, наверное.

— Она не голодная. Она *общается*.

Чен достала диктофон. Восемь месяцев назад она записала странный трёхдольный ритм на глубине. Спектральный анализ показал невероятное: частота пульсаций совпадала с частотой сердцебиения неизвестного вида осьминога. Но на такой глубине осьминоги не жили. Слишком холодно. Слишком темно. Слишком *однообразно* для существа, чей интеллект требовал новизны, как воздух.

Она назвала гипотетический вид *Tremoctopus profundus* и отправила статью в рецензируемый журнал. Статью отклонили за «недостаточную доказательную базу».

Теперь доказательная база стучала по стеклу её собственного аквариума.

— Открой крышку, — сказала Чен.

— Чего?!

— Открой. Крышку. Аквариума.

Джефф попятился. — Вы с ума сошли. Она же сбежит. Вы же сами рассказывали про осьминога Инки, который спустился по пятидесятиметровой трубе в океан!

— Открой.

Джефф открыл.

Осьминог не двинулся. С минуту он просто смотрел на Чен. Потом его кожа вспыхнула — от тёмно-бордовой до почти белой, от белой до чёрной с серебряными кольцами. Чен видела такое в дикой природе, но никогда в неволе. Это был камуфляж. Угроза. Брачный танец. Всё сразу и ничего конкретного.

А потом щупальца вытянулись. Осьминог приподнялся над водой — сифон выбросил струю, придав телу импульс — и перевалился через край аквариума.

Он упал на пол с влажным шлепком. И пополз к Чен.

Джефф закричал и выбежал из лаборатории.

Чен не двинулась с места. Она смотрела, как осьминог приближается. Как его кожа подстраивается под цвет линолеума — серо-белая, с тёмными прожилками, почти неотличимая от грязного кафеля. Как клюв — маленький, похожий на попугайий — открывается и закрывается, пробуя воздух на вкус.

Осьминог остановился в двадцати сантиметрах от её ноги. Поднял одно щупальце. Медленно, почти нежно, коснулся её лодыжки.

Присоски прилипли. Отпустили. Прилипли снова.

Паттерн.

Чен опустила на колени. Впервые в жизни она смотрела в глаза существу, которое было старше её вида на пятьсот миллионов лет, и понимала: *оно хочет ей что-то сказать*.

— Покажи, — прошептала она.

Осьминог распластался на полу. Его тело приняло форму плоской лепёшки — восемь рук растеклись в стороны, как разлитая нефть. А потом началось.

Кожа замерцала.

Сначала Чен не понимала, что видит. Просто узоры — как на экране старого телевизора, только цветные. Белое сменялось чёрным, чёрное — красным, красное — золотым. Потом она разглядела форму.

Щупальце сложилось в кольцо. Присоски изменили текстуру, стали похожи на крошечные диски. Другие щупальца вытянулись, превратившись в лучи.

Звезда.

Не морская звезда — звезда с неба. Та, которую люди называют Полярной.

— Это... — Чен не могла говорить.

Осьминог повторил узор. Звезда. Потом — рябь. Потом — две пересекающиеся линии.

Крест.

И снова звезда. И снова крест. И между ними — пульсирующий трёхдольный ритм, который Чен слышала теперь не ушами, а позвоночником. Вибрация проходила сквозь пол, сквозь колени, сквозь челюсть, заставляя зубы мелко дрожать.

Осьминог смотрел на неё. И Чен поняла.

Он не показывал созвездия. Он показывал *инструкцию*.

«Посмотри на небо. Найди эту звезду. Там был дом. Мы забыли дорогу. Помоги вспомнить».

Чен заплакала. Она не знала, от чего именно — от страха, от восторга, от невыносимой тяжести знания, которое только что рухнуло на неё, раздавив всё, во что она верила.

Осьминог не был инопланетянином.

Осьминог был тем, кто остался. Тем, кто отказался улетать. Тем, кто спрятался в самой глубокой щели самого негостеприимного мира, чтобы нести память о звёздах в синей крови, остывающей каждые три года.

Он был сторожем. И его срок подходил к концу.

Трикордина — потому что Чен назвала её так, хотя настоящего имени не знал никто — заползла обратно в аквариум через сорок минут демонстрации. Ей нужно было отдыхать. Менять кожу цветных снов стоило колоссальной энергии.

В эту ночь Чен не спала. Она сидела перед монитором, пересматривая запись, увеличивая контраст, выделяя паттерны. Звезда. Крест. Рябь. Пульс.

Звезда. Крест. Рябь.

Она открыла каталог созвездий. Полярная звезда — Альфа Малой Медведицы — не подходила: слишком молодая, слишком близкая, слишком изученная. Осьминог не мог знать о

ней ничего, кроме того, что видел на картинках в лаборатории. А он видел? Чен не показывала ему звёздных карт.

Кто-то другой показывал. Или не кто-то — что-то. Что-то в его генетической памяти, закодированное в трёх сердцах, передававшееся из поколения в поколение дольше, чем существуют позвоночные.

Чен залезла в архивы глубокого космоса. Снимки телескопа «Джеймс Уэбб», спектральный анализ далёких звёзд, карты реликтового излучения.

Она искала узор. Тот же узор, что показывал осьминог.

Нашла в три утра.

В галактике NGC 4038 — Антеннах — две сталкивающиеся галактики, растянувшие друг друга в длинные приливные хвосты. Хвосты пересекались, образуя фигуру, которую астрономы называли «глазом» или «сердцем» — кому как нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.